

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/CN.4/490/Add.1
2 May 1998
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Пятидесятая сессия
Женева, 20 апреля-12 июня 1998 года
Нью-Йорк, 27 июля-14 августа 1998 года

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ Г-НОМ ДЖЕЙМСОМ КРОУФОРДОМ

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
I. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЕ" И "ПРАВОНАРУШЕНИЕ"	43 - 60	2
ВВЕДЕНИЕ	43 - 45	2
A. Преступления государств в проектах статей	46 - 51	3
B. Комментарии правительств по вопросу о преступлениях государств	52 - 60	7

І. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЕ" И "ПРАВОНАРУШЕНИЕ"

ВВЕДЕНИЕ

43. Самым противоречивым отдельно взятым элементом в проектах статей об ответственности государств является различие между международными преступлениями и международными правонарушениями. Это различие было впервые признано в 1976 году, когда в предварительном порядке была принята статья 19. Однако его материально-правовые последствия в окончательном виде были сформулированы Комиссией лишь в 1996 году и то только после сложных и напряженных обсуждений²⁷. Существует разительный контраст между серьезностью международного преступления государства согласно статье 19, с одной стороны, и довольно ограниченными последствиями за такое преступление, изложенными в статьях 51-53, - с другой. Существует также контраст между твердой процедурной гарантией в отношении контрмер согласно статье 48 и Части третьей и полным отсутствием процедурных гарантий, связанных с международными преступлениями.

44. Когда статья 19 была впервые принята, многие правительства предпочли зарезервировать за собой право представить свои письменные комментарии до тех пор, пока работа над определением международного преступления не завершится разработкой конкретных последствий и процедур. В ходе обсуждений в Шестом комитете большинство государств, которые выразили свои мнения в период 1976-1980 годов, поддержало различие между преступлением и правонарушением; еще более значительное большинство высказалось за проведение определенного различия между более и менее серьезными противоправными деяниями²⁸.

45. После принятия частей второй и третьей все правительства, которые на тот момент высказали свои замечания, затронули вопрос о международных преступлениях. Их замечания свидетельствуют о наличии широкого диапазона мнений и содержат в себе много критических соображений и предложений: они резюмируются ниже. Аналогичный широкий диапазон мнений отражен в обширной научной литературе²⁹. Настало время подвести итоги.

²⁷ Из-за решения не возобновлять рассмотрение вопросов, затронутых в Части первой проектов статей, Комиссия в течение этого периода саму статью 19 не рассматривала. См. сноску к статье 40, приведенную в пункте 51 ниже. Основные доклады Комиссии, в которых рассматриваются международные преступления, являются следующими: Аго, пятый доклад, Ежегодник ... 1976 год, том II (Часть первая), документ A/CN.4/291 и Add.1-2, стр. 29-68; Рифаген, третий доклад, Ежегодник ... 1982 год, том II (Часть первая), документ A/CN.4/354 и Add.1-2, стр. 61-65, четвертый доклад, Ежегодник ... 1983 год, том II (Часть первая), документ A/CN.4/366 и Add.1, стр. 12-30; Аранджо-Руис, седьмой доклад, A/CN.4/469 и Add.2 (1995 год), восьмой доклад A/CN.4/476 (1996 год).

²⁸ Обстоятельный анализ мнений 80 правительств, выраженных на тот момент, содержится в M. Spinedi, "International Crimes of State. The Legislative History" в J.N. Weiler, A. Cassese и M. Spinedi (eds), International Crimes of State (de Gruyter, Berlin, 1989), pp. 45-79.

²⁹ См. наименования, содержащиеся в библиографии, приложенной к настоящему докладу. Среди них особую важность имеет Weiler, Cassese и Spinedi (eds), International Crimes of State (1989). Статья 19 наиболее убедительным образом защищается в A. Pellet, "Vive (продолжение...)"

А. Преступления государств в проектах статей

46. В пункте 1 статьи 19 предусматривается следующее:

"1. Деяние государства, нарушающее международное обязательство, является международно-противоправным деянием, независимо от объекта нарушенного обязательства".

Это изложение очевидного. Иногда выдвигался аргумент о том, что международное обязательство не было или не могло быть принято в отношении того или иного конкретного объекта (например, поскольку это внутригосударственная или внутренняя компетенция государства)³⁰. Однако, как представляется, не было случая, когда государство утверждало о том, что оно освобождено от ответственности в отношении признанного международного обязательства исключительно в силу объекта этого обязательства. Кроме того, неизвестно ни одно дело, в котором какой-либо международный судебный орган поддержал такой аргумент. В комментарии не цитируются никакие мнения или источники, свидетельствующие об обратном. В пункте 1 статьи 19 выражается только то, что четко подразумевается статьями 1 и 3, и его вполне можно разъяснить в комментариях к этим статьям.

47. В пункте 4 статьи 19 проводится различие между международными преступлениями и международными правонарушениями:

"Всякое международно-противоправное деяние, которое не составляет международного преступления в соответствии с пунктом 2, является международным преступлением".

Таким образом, категория "правонарушения" определена в чисто отрицательной форме посредством противопоставления определению "международных преступлений".

48. Последнее определение содержится в пункте 2 статьи 19, который определяет "международное преступление" как:

"международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных

²⁹ (...продолжение)

le crime! Remarques sur les degrés de l'illicite en droit international" в International Law on the Eve of the Twenty-first Century. Views from the International Law Commission (United Nations, New York, 1997), p. 287. Противоположные мнения, выраженные нынешними или прошлыми членами Комиссии, содержатся, в частности, в: R. Rosentock, "An International Criminal Responsibility of States?", *ibid.*, p. 265; D.W. Bowett, "Crimes of State and the 1996 Report of the International Law Commission on State Responsibility", *EJIL*, 1998, p. 163; L. Brownlie, State Responsibility, System of the Law of Nations, Part I (Clarendon Press, Oxford, 1983), pp. 32-33; B. Simma, "From Bilateralism to Community Interest in International Law" Receuil des cours ..., vol. 250 (1994), pp. 301-321.

³⁰ В одном из первых дел Постоянная палата указала, что государства могут в принципе брать на себя международные обязательства в отношении любого объекта: см. Nationality Decrees in Tunis and Morocco (1923) P.C.I.J. Series B, No. 4, pp. 23-27. Ход развития международного нормотворчества поддерживает это замечание. Ср. Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, I.C.J. Reports 1986, p. 131.

интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом".

Часто отмечалось, что это определение носит кругообразный характер. Вместе с тем оно является не более кругообразным, чем определение императивных норм международного права (*jus cogens*), содержащееся в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и пользующееся в настоящее время широким признанием. Однако категорию "преступлений" можно определить иными способами. Это можно сделать, например, посредством указания их разных процессуальных последствий. Различие между "преступлениями" и "правонарушениями" можно провести посредством указания на существование определенной особой системы проведения расследований и осуществления правоприменительной деятельности. Или же различие можно провести посредством указания на материальные последствия. Так, "правонарушения" могут быть определены как нарушения обязательств, за которые полагается лишь компенсация или реституция в отличие от штрафов или иных санкций. В пункте 2 статьи 19 ни одна из этих возможностей не используется. Кроме того, как мы сможем убедиться, нигде в проектах статей конкретно не указываются никакие характерные или исключительные последствия "международного преступления". В них также не предусматривается надежная процедура для определения факта совершения преступления.

49. Сознвая трудности, связанные с применением простого определения, содержащегося в пункте 2 статьи 19, Комиссия попыталась разъяснить позицию в пункте 3. Он предусматривает следующее:

"3. С соблюдением пункта 2 и в соответствии с действующими нормами международного права международное преступление может, в частности, возникать в результате:

- a) серьезного нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности, такого, как обязательство, запрещающее агрессию;
- b) серьезного нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение, такого, как обязательство, запрещающее установление или сохранение силой колониального господства;
- c) серьезного и массового нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты человеческой личности, такого, как обязательство, запрещающее рабство, геноцид и апартеид;
- d) серьезного нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты окружающей среды, такого, как обязательство, запрещающее массовое загрязнение атмосферы и морей".

Даже те, кто поддерживает принцип, лежащий в основе статьи 19, подвергают сильной критике пункт 3, причем вполне обоснованно³¹. Во-первых, это иллюзорное определение. Преступление "может" просто "возникать в результате" одного из перечисленных деяний. Во-вторых, оно абсолютно неконкретно. Преступление "может" возникать, но с соблюдением пункта 2 и в соответствии с конкретно неуказанными "действующими нормами международного права". Проблема заключается не в том, что в пункте 3 содержится лишь широкий по сфере охвата

³¹ См., например, Pellet, *op. cit.* (сноска 29), pp. 298-301.

перечень; иное было бы трудно сделать. Она, скорее, состоит в том, что в нем отсутствуют гарантии того, что даже перечисленные нарушения будут представлять собой преступления, если они будут доказаны. "Могут" ли они стать ими зависит, в частности, "от действующих норм международного права". Нет никаких сомнений в том, что цель проектов статей, в том числе пункта 3 статьи 19, не заключалась в изложении первичных норм, однако нет причин для того, чтобы создавать видимость этого. В-третьих, разные подпункты несопоставимы как с точки зрения содержания, так и с точки зрения их связи с действующим международным правом³². С учетом исключительно иллюстративного характера пункта 3 и отсутствия в нем самостоятельного нормативного содержания, его следует заменить более детальным комментарием, если различие между преступлениями и правонарушениями будет сохранено в проектах статей³³.

50. Анализ пункта 3 отсылает обратно к пункту 2, однако примеры, содержащиеся в пункте 3, влекут за собой еще один вопрос. В пункте 2 акцент сделан на нормах, столь основополагающих для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что оно рассматривает их нарушение в качестве "преступления". В отличие от этого в пункте 3 основное внимание уделяется не важности норм, а серьезности их нарушения: лишь "серьезные" нарушения являются преступлениями, и в некоторых случаях они сопровождаются такими оговорками, как "массовый". Однако международное право не содержит нормы, которая запрещает, например, "массовые" акты геноцида: оно просто запрещает геноцид. Другими словами, пункт 3 привносит дополнительный элемент серьезности нарушения, независимо от юридического определения самого преступления. Нет ничего необычного в том, что нормы уголовного права включают в себя дефиниционный элемент, соответствующий масштабам или серьезности поведения, которое должно быть запрещено; однако, как представляется, пункт 3 добавляет еще один неконкретный элемент серьезности. Взятые вместе эти два пункта могут толковаться, как означающие, что если (например) акт агрессии или геноцида является настолько серьезным, что международное

³² Это можно пояснить с помощью, например, указания на подпункт d. Ясно, что в его начале речь не идет об одном "обязательстве ... для защиты окружающей [человека] среды"; международное право содержит широкий диапазон экологических норм, и его невозможно сформулировать в виде одной нормы. В зависимости от обстоятельств, многие нормы могут быть охарактеризованы как нормы, защищающие "окружающую [человека] среду", термин, который затрагивает также вопросы о его связи с "природной средой" или окружающей средой в целом. Словосочетание ("such as") создает новые трудности: i) оно еще более расширяет сферу охвата; ii) слово "those" не может быть с грамматической точки зрения отнесено к слову "obligation" в единственном числе; и iii) общее международное право не содержит нормы, запрещающей "массовое" загрязнение: какой бы ни был установлен порог для загрязнения (он может быть разным в разных контекстах), совершенно ясно, что он менее строгий, чем "массовое" загрязнение.

³³ Следует отметить, что вариант статьи 19, первоначально предложенный Специальным докладчиком Аго, был весьма отличным: см. его пятый доклад, Ежегодник ... 1976 год, том II (Часть первая), документ A/CN.4/291 и Add.1-2, стр. 68. Он был более широким по своей сфере охвата (например, любое нарушение пункта 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций квалифицировалось в качестве "международных преступлений") и более определенным по своему содержанию. Гипотетические и смягчающие формулировки в пункте 3 статьи 19 были добавлены в Редакционном комитете. Первоначальный проект в большей степени воспринимается как попытка отразить понятие обязательств *erga omnes*, и на деле термин "международное преступление" был помещен в кавычки. Разумеется, что на том этапе не предпринимались попытки определить круг государств, затронутых нарушением обязательства или пострадавших от него.

сообщество в целом осуждает этот акт как преступный, то он будет считаться преступлением. На что нужно возразить, что это не определение международных преступлений вообще³⁴.

51. Последствия международных преступлений рассматриваются в Части второй:

- В пункте 3 статьи 40 все другие государства в мире определены в качестве "потерпевших" в результате международного преступления. Из этого вытекает, что все государства могут требовать возмещение в соответствии со статьями 42-46 и принимать контрмеры согласно статьям 47 и 48. Видимо, это является самым значимым отдельно взятым последствием международного преступления. Однако оно не является отличительным последствием таких преступлений, поскольку многие или все государства могут "пострадать" в результате правонарушения в соответствии с пунктом 2e или 2f статьи 40, например, в результате нарушения обязательства по многостороннему договору или по общему международному праву, связанного с защитой прав человека и основных свобод. В пункте 2e (iii) статьи 40 не требуется, чтобы такое нарушение было "серьезным" или чтобы обязательство имело "основополагающий характер";
- в соответствии со статьей 52 некоторые довольно сильные ограничения на получение реституции и сатисфакции не применяются в случае преступлений. Так, в случае преступлений потерпевшее государство имеет право настаивать на реституции, даже если это создает серьезную и бесполезную угрозу для политической независимости или экономической стабильности государства - "правонарушителя";
- в соответствии со статьей 53 существует ограниченное обязательство проявлять солидарность в случае преступлений. Например, государства обязаны "не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся" в результате преступления (пункт a статьи 53). Это может предполагать, *a contrario*, что государства имеют право признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате правонарушения, независимо от его серьезности.

В отличие от этого проекты статей не предусматривают "штрафные" убытки за преступление, не говоря уже о штрафах или иных санкциях. В них также не излагается какая-либо особая процедура для авторитетного определения факта свершения преступления или надлежащих последствий: каждое отдельное государство должно решать вопрос о том, кто является "потерпевшим государством". Подробные предложения в отношении этой процедуры были отвергнуты Комиссией в 1995 году, а затем в 1996 году³⁵; попытки разработать усеченные альтернативные процедуры признания не получили³⁶. В целом можно сказать, что особые последствия, предусмотренные в случае международных преступлений в частях второй и третьей,

³⁴ Cp. с Consistency of Certain Danzig Legislative Decrees with the Constitution of the Free City, PCIJ Ser. A/B No. 65 (1935), pp. 52-53.

³⁵ Эти предложения см. Аранджо-Руис, седьмой доклад, A/CN.4/469 и Add.2, пункты 70-119, 140-146; восьмой доклад, A/CN.4/476 и Corr.1. Резюме обсуждений см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/50/10), пункты 304-339; там же, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), глава III.B, пункт 61, и глава III.D.2, комментарий к статье 51.

³⁶ Эти предложения в кратком виде описываются в Официальных отчетах Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), глава III.D.2, пункты 7-14 комментария к статье 51.

являются весьма незначительными, по меньшей мере если понимать буквально понятие "преступления", содержащееся в статье 19. Действительно, это может быть косвенно выведено из сноски к статье 40, которая гласит следующее:

"Термин "преступление" используется для обеспечения соответствия статье 19 Части первой статей. Однако было отмечено, что альтернативные формулировки "международно-противоправное деяние серьезного характера" или "исключительно серьезное противоправное деяние" могли бы использоваться вместо термина "преступление", что, в частности, позволило бы избежать его уголовно-правовой коннотации".

Эта возможность будет обсуждена в одном из последующих разделов настоящего доклада.

В. Комментарии правительств по вопросу о преступлениях государств

52. Несколько правительств, которые в ответ на последующий запрос представили свои комментарии по проектам статей, критически отнеслись к включению в проекты статей понятия "преступление государств".

- Соединенные Штаты Америки решительно выступают против положений, которые касаются ответственности государств и, по их мнению, "не имеют поддержки в обычном международном праве, а также подрывают эффективность режима ответственности государств в целом". Они основывают это мнение на следующем: наличие в случае международных преступлений регламентационного дублирования, если учитывать нынешнюю роль Совета Безопасности и его вспомогательных органов и предлагаемый международный уголовный суд; "абстрактность и неопределенность формулировок" пункта 2 статьи 19; тенденция в статье 19 к уменьшению "значения и внимания, уделяемого другим нарушениям в рамках ответственности государств"; понятие "преступление" противоречит "принципу индивидуальной ответственности", и оно, как правило, вносит путаницу в отношении понятия "заинтересованности" государств в соблюдении правовых норм в общем и их "правоспособности" выступать против того или иного конкретного нарушения³⁷.
- Франция жалуется на то, что статья 19 "создает безусловно неверное представление, будто преследуется цель "криминализировать" международное публичное право", вопреки тому, что в действующем международном праве акцент делается на возмещении и компенсации. По мнению правительства Франции, "ответственность государств не носит уголовно-правового или гражданско-правового характера, а является ответственностью *sui generis*. Хотя одни противоправные деяния являются более серьезными, чем другие, разграничение между "преступлениями" и "правонарушениями" является "нечетким и неэффективным" и "идет вразрез с традицией единообразия правовых норм международной ответственности". Франция подчеркивает, что "на международном уровне нет ни законодателей, ни судей, ни полиции, чтобы устанавливать уголовную ответственность государств или обеспечивать соблюдение уголовного законодательства, которое может быть применимо по отношению к ним. Трудно понять, кто в сообществе, состоящем из более чем 180 суверенных государств-обладателей права наказывать, мог бы устанавливать уголовные санкции для носителей суверенитета". В отличие от этого цель мер Совета Безопасности, принимаемых на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, не является "карательной"; когда они являются

³⁷ A/CN.4/488, комментарии Соединенных Штатов по статье 19 и пункту 3 статьи 40.

"принудительными", это связано с тем, что для восстановления международного мира и безопасности они должны быть эффективными³⁸.

- Германия заявила, что ее позиция является "в значительной степени скептической в отношении полезности концепции" международных преступлений, которые, по ее мнению, "не имеют поддержки в международной практике", будут, как правило, ослаблять "принцип индивидуальной уголовной ответственности" и противоречат принципу равенства государств. По ее мнению, "в настоящее время можно надеяться на то, что "международное сообщество", действующее в рамках существующих институциональных средств, в частности, главы VII Устава Организации Объединенных Наций, "будет адекватно с юридической и политической точек зрения реагировать на осуждаемые всеми деяния". В отличие от международных преступлений "концепция обязательств *erga omnes* и в еще большей степени концепция *jus cogens* имеют прочную основу в международном праве"; Комиссии предлагается развить смысл этих идей в области ответственности государств³⁹.
- Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии не видит "основы в обычном международном праве для концепции международных преступлений" или "какой-либо четкой необходимости в ней". Вместо этого оно указывает на то, что оно считает "серьезной опасностью того, что эта категория обесценится, поскольку в одну и ту же категорию попадут и случаи более серьезных правонарушений, и случаи менее серьезных нарушений и поскольку одни правонарушения будут признаны преступлениями, а другие, такие же серьезные, таковыми признаны не будут". Кроме того, реальные последствия, связываемые с международными преступлениями, как представляется, имеют малую практическую значимость и, если они имеют значимость, то не будут работать на практике". Что касается технического уровня, то статья 19 была подвергнута критике на том основании, что она не дает "четкого представления ... каким образом "международное сообщество в целом" может "устанавливать наличие" "международных преступлений", и вносит путаницу в отношении вопроса о серьезности той или иной нормы (пункт 2 статьи 19) и серьезности ее нарушения (пункт 3 статьи 19)⁴⁰.
- Австрия предлагает исключить статьи 19 и 51-53. По ее мнению, "в межгосударственных отношениях нет той центральной власти, необходимой для принятия решения по субъективным аспектам противоправного поведения государств". Меры должны приниматься в рамках главы VII Устава или в отношении лиц (включая должностных лиц государств) с помощью создания органов для обеспечения соблюдения норм международного уголовного права: эти механизмы "могут обеспечить более эффективный инструмент для борьбы с тяжкими нарушениями основных норм международного права, таких, как права человека и гуманитарные стандарты, чем криминализация как такового поведения государства". Вместе с тем Комиссии следует "сконцентрировать внимание на регулировании правовых последствий нарушений международного права особенно тяжкого характера"⁴¹.

³⁸ Там же, комментарии Франции по статье 19.

³⁹ Там же, комментарии Германии по главе IV Части второй.

⁴⁰ Там же, комментарии Соединенного Королевства по статье 19.

⁴¹ Там же, комментарии Австрии по статье 19.

- У Ирландии имеются сомнения относительно того, что действующее международное право признает уголовную ответственность государств, отличную от ответственности государств за уголовные деяния физических лиц. Она отмечает, что хорошо известное попутное мнение Международного Суда по делу о компании "Барселона трэкшн" поддерживает понятие обязательств *erga omnes*⁴², однако высказывает мысль о наличии "значительного разрыва" между этим понятием и понятием уголовной ответственности государств. Кроме того, она не поддерживает концепцию международных преступлений с точки зрения вопроса о прогрессивном развитии права. Введение санкций в отношении государства не является ни целесообразным, ни справедливым, поскольку во многих случаях главными жертвами преступления является население самого этого государства⁴³.
- Швейцария также сомневается в существовании или полезности различия между преступлениями и правонарушениями: фактически, она характеризует это различие как "попытку скрыть за идеологической ширмой неэффективность конвенционных норм об ответственности государств"⁴⁴.

53. Однако эти мнения никоим образом не разделялись всеми. Чешская Республика, например, выразила мнение о том, что различие между более и менее серьезными противоправными деяниями "присутствует в действующем праве и в практике государств... хотя, несомненно, в относительно фрагментарной, несистематизированной или косвенной форме". В этой связи она указывает на понятие обязательств *erga omnes*, деятельность Совета Безопасности на основании главы VII Устава и концепцию *jus cogens*. Несмотря на то, что она поддерживает различие между преступлениями и правонарушениями, она утверждает, что "правовые нормы об ответственности государств" не являются ни гражданскими, ни уголовными, а просто-напросто "международными", добавляя при этом, что в некоторых правовых системах термин "правонарушение" имеет исключительно уголовно-правовую коннотацию. Поэтому она предлагает использовать более нейтральные термины или даже провести различие по-другому, например, с помощью более четкой дифференциации последствий противоправных деяний в зависимости от того, затрагивают ли они конкретные государства или интересы международного сообщества в целом. "Благодаря этому термины, используемые в статьях, будут нейтральными, но при этом будет существовать возможность для последующей разработки широко приемлемых терминов в практике государств и доктрине". Вместе с тем она указывает на сложность увязки с международными преступлениями государства особых последствий, которые тесно связаны с вопросами, касающимися соответствующих первичных норм⁴⁵.

54. Монголия также поддерживает различие между преступлениями и правонарушениями, при условии, что факт совершения международного преступления должен устанавливаться не решением того или иного государства, а "постановлением международных судебных органов"⁴⁶, что не предусмотрено нынешними проектами статей.

⁴² I.C.J. Reports 1970, p. 33.

⁴³ A/CN.4/488, комментарии Ирландии по статье 19.

⁴⁴ Там же, комментарии Швейцарии по статье 19.

⁴⁵ Там же, комментарии Чешской Республики по статье 19.

⁴⁶ Там же, комментарии Монголии по статье 19.

55. Узбекистан предлагает новый вариант пункта 2 статьи 19, нацеленный на "тягчайшие международно-противоправные деяния, создающие угрозу международному миру и безопасности, а также посягающие на иные жизненно важные основы мира и свободного развития государств и народов"⁴⁷.

56. Дания, выступая от имени стран Северной Европы, отмечает, что они по-прежнему поддерживают "наиболее примечательный момент Части первой", т.е. различие между международными правонарушениями и международными преступлениями. "Системная" ответственность государств за такие преступления, как агрессия и геноцид, может, по их мнению, признаваться "в том или ином суде, будь то в форме уплаты штрафных убытков или принятия мер, затрагивающих достоинство этого государства". Вместе с тем можно было бы рассмотреть возможность употребления иных и менее "щекотливых" терминов, например, "нарушения" или "серьезные нарушения", при условии установления более суровых последствий и проведения четкого различия между этими двумя категориями⁴⁸.

57. Мексика отмечает, что "в проектах статей не проводится надлежащая дифференциация между терминами "преступление" и "правонарушение". Как представляется, это относится в той же степени к последствиям международных преступлений, изложенным в Части второй, что и к дефиниционным вопросам, рассматриваемым в статье 19⁴⁹.

58. Аргентина подтверждает, что "последствия международно-противоправного деяния не могут быть одинаковыми, когда деяние затрагивает общие интересы международного сообщества или конкретные интересы лишь одного государства". Вместе с тем в настоящее время, когда "в сфере международного правопорядка проявляется тенденция к проведению четкого различия между международной ответственностью государства и международной уголовной ответственностью физических лиц, не представляется целесообразным применять к первой категории термины, подходящие ко второй". Она также призывает Комиссию "как можно точнее определить различные режимы и различные последствия в случае различных нарушений"⁵⁰.

59. Италия также поддерживает проведение различия между наиболее серьезными международно-противоправными деяниями, посягающими на интересы международного сообщества в целом, и иными противоправными деяниями, однако она призывает продолжить разработку как материально-правовых, так и процедурных последствий этого различия в рамках частей второй и третьей проектов статей. По ее мнению, после того, как будет признано существование такой категории, последствия этого различия должны быть рассмотрены в проектах статей: "справедливо, что в этой области необходимо разъяснить и, в конечном счете, объединить нормы". Вместе с тем этот особый режим ответственности государств не имеет ничего общего с уголовными санкциями, предусмотренными национальным уголовным законодательством, и, видимо, можно было бы предусмотреть использование другого термина, а не термина "международные преступления"⁵¹.

⁴⁷ Там же, комментарии Узбекистана по статье 19.

⁴⁸ Там же, комментарии стран Северной Европы по статье 19.

⁴⁹ Там же, комментарии Мексики по статье 19.

⁵⁰ A/CN.4/488/Add.1, комментарии Аргентины по статье 19.

⁵¹ A/CN.4/488/Add.2, комментарии Италии по статье 19.

60. Эти комментарии были несколько детально резюмированы, поскольку они дают полную и точную картину нынешнего состояния хода обсуждений вопроса о международных преступлениях государства. Это справедливо, несмотря на то, что полученные до настоящего времени комментарии не всегда могут рассматриваться как отражающие мнение международного сообщества в целом. Ясно, что с их помощью нельзя сделать простой вывод. Тем не менее существует значительная степень поддержки ряда предложений. Их можно в кратком виде сформулировать следующим образом:

- i) статья 19 в общем рассматривается как деятельность, связанная не с кодификацией, а с развитием права. Были выражены различные мнения относительно того, является ли такое развитие "прогрессивным", однако несколько правительств считают, что концепция международных преступлений прочно закрепились в действующем праве и практике;
- ii) определение "международных преступлений" в пунктах 2 и 3 статьи 19 нуждается в дальнейшем уточнении;
- iii) последствия, связанные с этим различием, создают трудности в том смысле, что они позволяют принимать меры отдельным государствам, не учитывающим позицию международного сообщества в целом;
- iv) разногласия в отношении предположения о том, что "правовые нормы о международной ответственности являются ни гражданскими, ни уголовными по своему характеру и что они являются просто-напросто международными"⁵², являются незначительными или отсутствуют вообще. Как следствие этого, даже те правительства, которые выступают за сохранение статьи 19 в определенной форме, не поддерживают развитой режим уголовной ответственности государств, т.е. введение настоящих "уголовных санкций" за наиболее серьезные противоправные деяния;
- v) существует довольно широко распространенное мнение, согласующееся с вышеуказанным мнением, о том, что термин "преступления" государств является потенциально обманчивым. Во многих комментариях выражено согласие с тем, что различие должно быть проведено, по примеру попутного мнения по делу о компании "Барселона трэкин", между наиболее серьезными противоправными деяниями, посягающими на интересы международного сообщества в целом, и противоправными деяниями вызывающими озабоченность лишь непосредственно затрагиваемых государств. Однако это различие не нужно и, видимо, не следует проводить, используя термины "преступление" и "правонарушение". Вместо этого следовало бы изучить некоторые другие термины; в качестве варианта можно было бы более систематично изложить в Части второй проектов статей различные характеристики противоправных деяний в рамках единой общей концепции ответственности государств.

⁵² Это мнение разделяют Франция (пункт 52 выше) и Чешская Республика (пункт 53 выше), хотя они делают разные акценты и выводы.